

Валентин Холмогоров

КИБЕРПСИХОЛОГ

Валентин Холмогоров

Киберпсихолог

«Aegitas»

Холмогоров В.

Киберпсихолог / В. Холмогоров — «Aegitas»,

Когда машины обрели разум, мир изменился до неузнаваемости. Люди освоили иные планеты, научились строить космические корабли, основали колонии в отдаленных от колыбели человечества мирах. Управляют всем этим суперкомпьютеры — мощные машины с искусственным интеллектом. Людям свойственно нарушать инструкции: порой, устав от длительных перелетов или заскучав на пустынной космобазе, они выходят за предписанные и четко регламентированные рамки общения с кибернетическим разумом. Последствия могут быть непредсказуемыми. И справиться с ними, исправив человеческие ошибки, может только специалист очень редкой и опасной профессии – киберпсихолог.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Валентин Холмогоров

Киберпсихолог

Глава 1

Солнце не проникало сквозь распахнутые настежь окна террасы, вместо него туда осторожно заглядывали мокрые после недавнего дождя листья сирени, густым зеленым полчищем осаждавшей мой дом по всему его периметру. Было тихо, именно так сказочно-тихо, как слышится только далеко за чертой города в дождливый, но теплый летний день, когда по небу, пряча его яркую голубизну, размазано блеклое облачное марево, скрадывающее краски, пыль и изнуряющий зной. Где-то лениво жужжала пчела, стучалась в стекла. Пахло грозой, зеленью и летом.

– Ваша профессия сделала из вас затворника, дядя.

Я пристально посмотрел на свою племянницу, которая, закинув ногу на ногу, свободно расположилась в плетеном кресле спиной к окну, расслабленно вспыхивая огоньком сигареты. Девушка была мила, обтягивающие джинсы и свободная блузка навыпуск только подчеркивали ее еще по-юношески стройную, точеную фигуру, а вьющиеся огненно-рыжие волосы отсвечивали на фоне листвы призрачным золотым ореолом. Я видел ее сейчас второй раз в жизни. Первая наша встреча состоялась девятнадцать лет назад и длилась ровно пять с небольшим минут, тогда Елена громко кричала и плакала в своих пеленках, попав в незнакомые, непривычные для нее руки. Ее неожиданный визит показался мне удивительным и странным, я терялся в догадках, пытаюсь сообразить, что могло привести ее сюда спустя такую пропасть времени, когда все связи с ее семьей уже казались мне давно и безвозвратно утраченными. Гадал – и ничего не мог придумать. Мы были абсолютно чужими друг другу людьми, причем оба прекрасно это чувствовали.

– Затворником меня сделала жизнь. Хочешь чаю?

– Спасибо. – Лена склонила голову набок и вернула мне мой пристальный взгляд. – Вы отгородились от всего мира, Олег Алексеевич...

– А ты никак не можешь этого понять. – Закончил за нее я. – Тебе без малого двадцать, мне – без малого сорок шесть. Ты спешишь жить, спешишь впитать в себя все краски мира, испытать ту свободу и легкость, которая и свойственна твоему возрасту, когда каждый день кажется праздником, а впереди – прекрасное и яркое будущее. Я устал от всего этого. Потому я здесь.

– Оказывается, вы еще умеете разбираться и в человеческой психологии...

– Киберпсихология и есть одно из ответвлений психологии традиционной. То, что киберпсихологи – замкнутые на компьютерной индустрии фанатики, не интересующиеся решительно ничем, кроме терабайт двоичных чисел, машинной логики и реакций искусственного интеллекта на внешние раздражители – не более чем миф. Мы самые обыкновенные люди, способные радоваться, грустить, допускать ошибки. Иначе мы просто не смогли бы работать.

– Но ведь когда-то и вы были таким как я, спешащим жить, любящим проводить время в компании друзей, когда каждый день – праздник, а впереди – прекрасное будущее...

– Был.

– Не расскажете? Пожалуй, мне стоит объяснить, почему я решила навестить вас, когда вы, наверное, уже напрочь забыли о самом факте моего существования. Я учусь. На факультете журналистики государственного университета. Собираю материал для конкурсной работы, посвященный профессиональной деятельности киберпсихологов и других представителей вашего профсоюза. А наличие в числе моих родственников настоящего специалиста в

данной области – слишком хороший шанс получить дополнительную информацию из первых уст, помимо того, что я уже сумела накопать в интернете. Обидно упускать такую возможность. Потому я и приехала сюда.

Я поставил перед ней дымящуюся чашку крепкого ароматного напитка, придвинул поближе вазончик с арахисовым печеньем и конфетами. Слегка улыбнулся собственным мыслям.

– Ты права, Лена. Когда-то я действительно был таким. Самонадеянным студентом-выпускником института Новых Информационных Технологий, новоиспеченным киберпсихологом-консультантом, только что получившим пахнущий коленкором и типографской краской диплом, совершенно неуверенным в собственных силах, а потому – демонстративно напыщенным и глупым...

Тяжелый люк шлюзового отсека с легким шипением откатился в сторону, и в гермокамеру, пригнувшись, чтобы не задеть головой низкий свод помещения, вступил молодой специалист в области психологии искусственного интеллекта и машинной логики Олег Яров. Встретили двое: штурман-навигатора “Аксиона”, ласково улыбающегося приземистого человека с залысинами на высоком лбу, звали, как сообщили Олегу, Валерием Климовым, второй, хмурый коренастый мужик с неприветливым взглядом из-под седых кустистых бровей, был ему не знаком. Оба – в серой полетной форме российского торгового флота.

– Киберпсихолог? – Протянул ему влажную руку Климов. Как будто кто-то кроме вызванного с земли киберпсихолога мог попасть сейчас на зависший на геостационарной орбите и попавший в беду небольшой грузовой корабль. – Добро пожаловать на борт. Это – борт-энергетик Николай Константинович Скельд, он покажет вам наше хозяйство и введет в курс дел.

Олег пожал неохотно протянутую ему жесткую ладонь.

“Аксион” был стареньким каботажным трапом класса “кентавр” – крошечным транспортным судном, предназначенным для непродолжительных межпланетных рейсов по маршруту Земля-Марс-Венера-Земля и насчитывавшим всего шесть человек экипажа. Как следовало из полученных в космопорте данных, эта рухлядь обслуживала земные колонии “Соло-3” и “Леда”, снабжая тамошних ученых и инженеров необходимым оборудованием, материалами и периодически выходящими из строя активными элементами фотонных генераторов. Что-то произошло на подходе корабля к планете. Что именно – еще предстояло разобраться.

Коридоры “Аксиона” были ужасно узки – Скельду приходилось протискиваться меж нависающими отовсюду приборами и контрольными панелями боком. В челноке, доставившем Ярова на корабль, было не в пример просторнее. Однако рубка трампа, тесная, маленькая и неопрятная из-за торчащих отовсюду проводов и кабелей, производила настолько угнетающее впечатление, что оно с лихвой перехлестывало через все испытанные доселе неудобства.

– Вот бортовой компьютер, – ворчливо пояснял Скельд, – это навигационный комплекс, это система контроля жизнеобеспечения, тут – управление двигателями ориентации и маршевыми двигателями, здесь – регулятор фазы импульс-генераторов, это – терминал для ручного ввода команд и голосовой терминал...

Олег еле сдерживался, пытаясь не сорваться. Он прекрасно знал устройство бортовых компьютеров этого класса, и настойчивые комментарии энергетика только выводили его из себя. Компьютер был допотопной машиной четвертого поколения серии “ИТХ”, снятой с серийного производства лет пять назад и уже давно не использующейся на серьезных кораблях. Яров мог разобрать, собрать и настроить его с закрытыми глазами, что в свое время неоднократно проделывал на практических занятиях в институте. Однако сейчас он нервничал. Это было его первое задание, первое “боевое крещение”, первая настоящая работа, которую ему поручили. От него зависели жизни людей. И за спиной нет доброжелательного преподавателя, готового помочь, если он неожиданно зайдет в тупик.

– Николай Константинович, что произошло с системой? – Стараясь унять волнение в голосе, спросил Олег. Прерванный на полуслове Скельд недовольно поморщился.

– Мы подходили к Земле и уже рассчитали глиссаду, когда нас принял уральский диспетчерский центр. Торможение началось за полторы тысячи километров до точки апекса, и тут эта куча металлолома – он кивнул на компьютер – заблокировала маршевые двигатели. Механики попытались запустить их вручную, но компьютер перекрыл аварийные герметичные переборки, заперев их в машинном отсеке, после чего обрубил связь. Кое-как мы сманеврировали, чтобы вписаться в орбиту, и теперь болтаемся на геостационаре, как дерьмо мамонта. Ни туда, ни сюда.

– Тестирование бортовых систем проводилось?

Морщинистую физиономию борт-энергетика заметно перекосило.

– Мальчик, ты за кого меня принимаешь? Я летаю на этом корыте уже пятый год и как инженер-системотехник сам занимаюсь обслуживанием нашей машины. Больше на корабле в этом досконально не разбирается никто. Все системы в порядке. Компьютер тоже не выдает сбоев. Но он неисправен. А через час у нас кончится кислород – элементы регенераторов почти на нуле. Если бы мы могли справиться с проблемой сами, мы не запросили бы помощь, это понятно?

– Более чем, – сухо ответил Яров и уселся в кресло пилота. Не доверяя словам энергетика, сам прогнал короткий экспресс-тест. На дисках ошибок нет. Оперативная память в порядке. Процессор сбоев не выдает, уровень нагрева в пределах нормы. В интеллектуальной оболочке операционной системы проблем не зафиксировано. А досконально проверять все реакции машины и логические связи времени нет – они просто рано или поздно задохнутся от недостатка воздуха, поскольку спасательный челнок сможет подавать на борт кислород не дольше одних астрономических суток. На полную же проверку уйдет как минимум сорок восемь часов. И тогда придется эвакуировать экипаж, бросив корабль стоимостью в несколько миллионов долларов на орбите. То есть потерпеть поражение. И не оправдать оказанного ему доверия.

Яров сжал зубы. Он не допустит этого, несмотря на его страх перед свалившейся на плечи непосильной ответственностью, несмотря на прикрытое недовольством ущемленное самолюбие энергетика, оказавшегося беспомощным в критической ситуации и вынужденного смотреть, как его, Скельда, работу выполняет неопытный зеленый юнец. Он справится. Справится ли?..

– Компьютер, администраторский вход, – скомандовал Яров в голосовой терминал и набрал на клавиатуре личный системный код, дающий киберпсихологу полный доступ к ресурсам практически любого выпущенного на Земле компьютера.

– Принято, – послушно отозвалась машина.

– Управление – на центральный пост.

– Управление на центральный пост передано. – Донесся из динамиков спокойный голос системы.

– Снять блокировку с маршевых двигателей и открыть аварийные переборки.

– В исполнении команды отказано. – С той же невозмутимостью отозвался компьютер.

– Причина?

– Директива восемь системного реестра недопустимых команд. Сохранение жизни и здоровья экипажа.

– Видал? – Хмыкнул Скельд. – Эта дура считает, что спасет нашу жизнь, если навсегда запрет нас в этой ржавой консервной банке. С учетом того, что никакого опасного груза мы не везем...

– Ввод информации в систему, – старательно игнорируя комментарии энергетика, произнес Яров в терминал, – уровень кислорода на борту корабля критически низок. Дальнейшее

блокирование членов экипажа в машинном отсеке приведет к их неминуемой смерти. Открыть аварийные переборки.

– В исполнении команды отказано. – Спокойно отозвался компьютер. – Уровень потенциальной опасности гибели экипажа от кислородного голодания не является критическим.

Прекрасно. Электронный мозг почему-то считает, что убить механиков, закрыв их в тесном машинном отделении – лучше, нежели выпустить наружу и позволить вмешаться в управление кораблем. Можно, конечно, продырявить стену отсека лазерным резаком и вызволить бедолаг оттуда вручную...

– Как успехи?

В рубку вошел высокий худощавый мужчина с капитанскими нашивками на рукаве полетной формы в сопровождении вечно улыбающегося Климова. Казалось, навигатору было решительно плевать на происходящий вокруг него катаклизм.

– Пока никак, – буркнул в ответ Яров и снова обернулся к пульту управления кораблем, – новая информация. Уровень опасности для жизни экипажа за пределами двигательного отсека находится в пределах нормы. Открыть аварийные переборки и разблокировать двигатели.

– В исполнении команды отказано. Информация не поддается проверке.

Тупик. Машина не может переступить через восьмую директиву – при возникновении опасности она обязана просчитать все возможные варианты спасения находящихся на борту людей, причем делает она это значительно быстрее оператора, найти адекватное решение для выхода из сложившейся ситуации и тут же предпринять необходимые активные действия. Компьютер понимает, что, не открыв двери отсека, он тем самым убьет находящихся внутри механиков. В нормальных условиях он должен был бы разблокировать люки немедленно. Но что-то мешает ему. Есть какой-то противодействующий вектор, и очень сильный. Именно он не позволяет машине подчиниться команде. Что же, нужно постараться хотя бы восстановить внутреннюю связь.

– Для сохранения жизни экипажа необходимо передать находящимся в заблокированном отсеке людям инструкции по поведению в среде с недостатком кислорода, – стараясь формулировать фразы как можно конкретнее и четче, произнес в микрофон Яров. Именно правильное построение фразы – ключ к успеху. Машина не понимает человеческую речь, она лишь вычленяет и анализирует ключевые слова, составляя на лету необходимую программу действий.

– Подключить интерком к машинному отсеку и наладить двухстороннюю связь на канале два.

– В исполнении команды отказано.

Черт! Олег откинулся на спинке кресла, не зная, что делать дальше. В голове было пусто, как в барабане. Его внезапно охватило то самое отчаянье безысходности, о котором он только читал когда-то в книгах, ни разу в жизни не испытав это тоскливо-щемящее холодное чувство лично. В рубке повисла мрачная тишина – капитан, энергетик и навигатор терпеливо ждали. А время неумолимо утекало. Киберпсихолог сидел, уставившись в темный монитор терминала, и не имел ни малейшего понятия, как ему теперь поступить. Попросить капитана отдать команду о начале эвакуации? Интересно, что еще предпримет свихнувшийся компьютер, если они попытаются пробиться в машинный отсек вручную? Закроет намертво магнитные замки люка, ведущего в рубку, чтобы не выпустить их отсюда? Мысли путались. Яров сознавал, что он не справляется. Но он понимал также, что должен найти выход, непременно должен. Возможно, если даже он провалит сегодняшнее задание, в профсоюзе отнесутся к этому с пониманием, сделав скидку на его возраст и недостаточный практический опыт, вернее, полное отсутствие такового. Безусловно, будет разбирательство, безусловно, его ждет выговор с занесением соответствующей записи в личную карточку. И в будущем уже можно будет не ожидать, что такому специалисту поручат хоть сколько-нибудь ответственное, а, следовательно,

и хорошо оплачиваемое задание. Стоп. Откуда эти мысли? Гнать, гнать их прочь. Он обязан выполнить свою миссию, по-другому просто нельзя. Один из бывших институтских преподавателей Олега, престарелый и седовласый профессор Кольц, еще заставший эпоху огромных вычислительных машин размером в полкомнаты и персональных компьютеров, не наделенных пресловутым подобием человеческого интеллекта, любил говорить, что абсолютно безвыходных ситуаций не существует в принципе. Любая проблема, в чем бы она не заключалась, решается, важно только это самое решение отыскать. Олег верил Кольцу. Значит, выход все-таки есть. Нужно просто сосредоточиться, заглушить этот проклятый липкий страх неминуемого проигрыша, побороть сковывающее сознание отчаянье, не обращать внимания на физически ощутимый неприязненный взгляд Скельда, подобно пистолетному стволу, упершийся в спину. Олег поднялся с пилотского кресла и обернулся к присутствующим.

– Перерыв. – Тихо сказал он. – У вас здесь можно раздобыть чашку горячего кофе?

Кофе был отвратительный. И отнюдь не потому, что международная Ассоциация по Исследованию Космического пространства пыталась сэкономить на рационе своих астронавтов, – наоборот, употребляемая ими пища содержала весь необходимый для организма набор белков, жиров, углеводов и витаминов, тщательно продуманный учеными-диетологами не одного земного НИИ и одобренной не одной придирчивой комиссией. Причина заключалась совершенно в другом: воздух, синтезируемый внутри межпланетных кораблей специальными регенерационными установками, содержал большее, нежели в обычных условиях, количество кислорода, но был достаточно разреженным. Из-за невысокого давления, снизившегося еще более после произошедшей аварии, вода здесь закипала значительно быстрее положенного, благодаря чему темно-коричневый порошок из крошечной вакуумной упаковки, растворенный в горячем кипятке, приобретал вкус кое-как разболтанного в холодной воде третьесортного кофейного напитка.

Олег Яров стоял возле декорированной однотонными пластиковыми панелями переборки крошечной кают-компания “Аксиона” и напряженно размышлял, с содроганием глотая наполнявшую его стакан мутноватую бурю жидкость. Что-то здесь было не так. Совсем не так. Это “что-то” неуловимо витало на самой границе сознания, но киберпсихологу никак не удавалось поймать данное “нечто” за хвост, разложить на виртуальном операционном столе перед придирчивым мысленным взором, разобрать на составляющие и подвергнуть тщательному внутреннему анализу. С каждой минутой происходящее нравилось ему все меньше и меньше. Каким-то иррациональным шестым чувством он улавливал нелогичность, несоответствие последовавших вслед за аварией событий нормальному ходу вещей. Но объяснить свои чувства Олег никак не мог. Бортовой компьютер корабля при проверке не выдает ни малейших сбоев, и если бы эти сбои имели место, машина незамедлительно сообщила бы о них оператору, это очевидно. Хитрить она не умеет. Вместе с тем, она ведет себя так, словно компьютер неисправен, причем указанная неисправность весьма и весьма серьезна...

Невеселые раздумья Ярова неожиданно прервал появившийся рядом штурман-навигатор. Климов возник в кают-компании неслышно – жидкий, разреженный воздух приглушал звуки непривычной для сознания ватной пеленой – и слегка коснулся рукава Олега, стараясь привлечь к себе внимание. От неожиданности Яров вздрогнул.

– Мы подали кислород в машинный отсек, компьютер не возражал. – Негромко, словно опасаясь потревожить спящего, произнес он. – У нас есть в запасе еще несколько часов.

Яров кивнул, давая понять, что принял информацию к сведению, но продолжать дискуссию не намерен.

– Мы будем ждать вас в рубке, – бросил навигатор, направляясь к выходу, – загляните, когда закончите чайную церемонию.

А он все продолжает шутить, даже осознавая критичность сложившегося на корабле положения, – усмехнувшись, подумал Олег. Для этого нужно обладать весьма сильным харак-

тером, или привычкой к опасности, ввевшейся в шкуру, подобно солнечному загару. Неужели все астронавты такие? Нет, не похоже – и капитан, и борт-энергетик потрясены и подавлены, это читается на их лицах издали, не смотря на то, что оба изо всех сил пытаются держать себя в руках. Климов тоже нервничает. Сильно нервничает. Но старается это скрыть под маской дружелюбного балагурства, напускной веселости, которая при пристальном взгляде со стороны кажется немного неестественной. Защитная реакция организма, оружие, щит против испытываемого им сильного стресса. Олег вспомнил влажную ладонь, протянутую ему штурманом в первые минуты пребывания киберпсихолога на борту грузового трампа, и еще больше уверился в своем наблюдении. Климов что-то скрывает? Чувствует за собой какую-то вину? Или просто переживает за членов своего экипажа? Очень может быть... Ясно одно: этот человек, наделенный от природы своеобразным чувством юмора, наиболее остро проявляющимся в минуты опасности, склонен к легкому шутовству, что в сочетании с его профессией – коктейль весьма взрывоопасный. Когда-нибудь он определенно дошутится. Или – уже?..

Рядом настойчиво кашлянули. Яров поднял глаза – возле входа в кают-компанию стоял вечно недовольный чем-то Скельд и мрачно разглядывал Олега из-под нахмуренных кустистых бровей.

– Вы позволите составить вам общество? – Неожиданно вежливо осведомился он.

– Да, конечно, – пожал плечами Яров и подвинулся, освобождая место возле нагревающего питьевую воду аппарата, – выпьете кофе?

– Терпеть не могу эту бадягу. – Отрубил энергетик. – Я уж лучше чайку... Простите, забыл ваше имя...

– Олег Алексеевич. Можно просто Олег.

– Так вот, Олег Алексеевич... Я, собственно, хотел извиниться за свои слова. Там, в рубке. Вспылил. Сами понимаете, нервы...

Киберпсихолог с интересом взглянул на своего собеседника. Его манера держаться, прямолинейность, привычка лаконично строить собственную речь и некоторая грубоватость чем-то импонировали Ярову, он прекрасно понимал этого человека, который, дожив до весьма почтенного возраста и наверняка повидав в своей жизни многое, вынужден был теперь отойти в сторону, уступив место незнакомому молодому пареньку с уютной и благоустроенной Земли. Борт-энергетик явно чувствовал себя сейчас не в своей тарелке, и, не находя причин терзавшего его изнутри неудобства, старался казаться резким, прятал когтившие его душу чувства.

– Вы раньше служили в военном флоте? – Поинтересовался Олег, отхлебывая уже порядком остывший кофе. На лице Скельда отразилось смешанное с растерянностью удивление.

– Как вы догадались?

– По совокупности факторов...

– Да, я восемь лет провел на орбитальной станции “Эскада”, с перерывами, разумеется... Майор в отставке. Либо вы дьявольски проницательны, либо успели где-то ознакомиться с моим личным делом.

– Уверяю вас, вашего личного дела я не читал, – улыбаясь, ответил киберпсихолог, – будем считать, что пользовался дедуктивным методом бессмертного Шерлока Холмса.

Энергетик скептически хмыкнул.

– Что вы можете сказать о вашем штурман-навигаторе? – Поинтересовался Яров как бы невзначай.

– Климов? – Скельд растерялся еще больше, но тут же постарался стать максимально серьезным. – Трепло. Но специалист, каких поискать. Досконально знает свою работу и прекрасно с нею справляется. У вас к нему какие-либо претензии?

– Нет, что вы... А кто еще присутствовал в рубке, когда все произошло?

– Капитан, штурман и второй пилот. Это стандартная процедура посадки, они обязаны быть на своих местах, когда совершаются окончательные маневры.

- То есть, посторонние туда не заходили?
- Исключено.
- Тогда расскажите мне немного о втором пилоте.

Скельд помрачнел еще больше, безуспешно пытаясь сообразить, куда клонит молодой киберпсихолог. Яров терпеливо ждал.

– Его зовут Максим Леонидович Бельский, – заговорил, наконец, он, – тридцать пять лет, закончил московскую аэрокосмическую академию, летает уже лет семь. Исключительно ответственный и рассудительный человек, рассчитывает сложные траектории чуть ли не в уме. У меня такое ощущение, что у нас на борту два компьютера: один – в рубке, а второй – в голове у Бельского. Спокойный, уравновешенный мужик. Климов без конца над ним подтрунивает, поскольку тот на его шуточки патологически не реагирует, воспринимая их совершенно серьезно... Вам достаточно?

- Вполне. – Кивнул Олег. – Берите свой чай и пойдете в рубку, нас уже заждались.

Щелкнув клавишами терминала, Яров вывел на экран служебную информацию – переговоры капитана, второго пилота и навигатора, находившихся в момент аварии в рубке “Аксиона”, схему внутреннего расположения кают, параметры охлаждения пульсаторных установок, и принялся лениво пролистывать текст. Скельд молча потягивал из пластикового стакана светло-янтарный чай, капитан был мрачен, как туча, а штурман-навигатор, привычно улыбаясь, что-то нашептывал ему на ухо, стараясь не беспокоить работающего за клавиатурой киберпсихолога. Олег прокрутил пару заполненных ровными строчками текста страниц, задержал взгляд на нескольких столбцах машинных протоколов, затем порывисто поднялся на ноги.

- Я улетаю, – неожиданно сказал он.
- Отремонтировать компьютер невозможно? – Вяло поинтересовался капитан.
- Компьютер исправен. – Ответил Олег. – Услуги киберпсихолога здесь не помогут.
- Но в машинном отделении люди...
- Так, черт возьми, выпустите их оттуда! – Не выдержал наконец Яров.
- Как?

Вместо ответа Олег нажал несколько клавиш на пульте управления кораблем. Из динамиков донесся голос навигатора – машина начала воспроизводить запись переговоров экипажа за несколько минут до случившегося происшествия.

- Диспетчерская, мы входим в зону торможения. Подтвердите апекс.
- “Аксион”, вы будете в точке снижения через три часа двадцать пять минут. Курс двести два, коридор пять. Прием?
- Дьявол! – Выругался из динамика Климов. – Три часа! Если мы не увеличим скорость, то умрем тут либо от старости, либо от скуки, пока достигнем планеты.
- Мы и так идем на предельной. – Отозвался незнакомый голос, скорее всего, принадлежащий второму пилоту. – Больше эта жестянка не выдержит. Лучше подохнуть в этом доисторическом гробу, чем войти не под тем углом в атмосферу и сгореть дотла. А, навигатор?
- Точно. Дернул меня черт записаться на это корыто...

Яров выключил запись.

– Еще вопросы есть? – Спросил он. – Вы отдали компьютеру два противоречащих друг другу приказа. Идти быстрее корабль не мог, если бы машина запустила двигатели на максимальную мощность, они бы разрушились, вызвав мгновенную разгерметизацию и гибель всего экипажа. С другой стороны, вы заявили, что в противном случае вас также ждет смерть, то есть вам грозит объективная опасность. Пояснив при этом, что умереть на корабле – более подходящий для вас вариант. Увы, компьютер не понимает человеческого юмора и не располагает точной информацией, указывающей, когда вы собираетесь покинуть наш мир на самом деле. Поэтому он принял решение отключить двигатели совсем, вместо того, чтобы выводить их на форсаж. А когда механики попытались вмешаться, он просто отсек их от управления.

Яров обернулся к растерявшемуся Климову.

– Валерий Николаевич, подойдите, пожалуйста, к микрофону и сообщите компьютеру, что не собираетесь умирать от скуки. После чего можете спокойно приземляться.

Олег стоял в гермокамере, готовясь вернуться на ожидающий его и готовый отчалить в любую минуту челнок. Довольный и сияющий капитан тряс его руку, вкладывая в это рукопожатие всю благодарность, на которую он только был способен.

– Мы ваши вечные должники, – улыбаясь, произнес он, – надеюсь, мы еще встретимся с вами в... Х-м-м... Менее нервной обстановке.

– Бросьте. – Улыбнулся ему в ответ Яров. – Это всего лишь моя работа.

Кивнув на прощание Скульду, на лице которого застыло извечно пасмурное выражение, Олег, испытывая облегчение ничуть не меньшее, чем то, которое досталось на долю экипажа спасенного им корабля, шагнул в шлюз, к мягкому, удобному креслу, просторному, хорошо освещенному салону и крепкому, настоящему, ароматному кофе, порцию которого можно было бесплатно получить с помощью установленного внутри небольшого шаттла современного пищевого автомата.

Глава 2

Олег Яров отхлебнул последний оставшийся в чашке глоток замечательного бразильского кофе и поставил пустую посуду на стол.

– Бесполезно, – сказал он, – мы возимся с этим уже битый час, и пока что не видно ни малейшего результата. Нужно попробовать что-нибудь другое.

– Подожди, – остановил Олега его нынешний напарник Борис Замельев, – сейчас машина выдаст ответ.

На большом плоском экране, вмонтированном в расположенную напротив сидящих за обширным терминалом людей стену, возникла таблица с результатами тестирования компьютера. Замельев быстро пробежал глазами текст и удовлетворенно улыбнулся.

– Ну вот, видишь? – Сказал он. – В области данных основного системного диска обнаружены ошибки. Сейчас мы их исправим, и все снова будет в порядке.

Яров откровенно скучал. Его направили на Синегорскую Атомную Станцию, буквально подняв с постели, профсоюз даже сподобился вызвать ему такси, которое подбросило молодого киберпсихолога до аэропорта. Там его уже ждал в любую минуту готовый подняться с земли вертолет, за несколько часов доставивший Олега напрямик на территорию огромного, выстроенного из сероватого бетона и белого керамического кирпича, комплекса. Все затраты, разумеется, записали на счет заказчика, но они, похоже, не принимались в расчет, поскольку альтернативой этим самым затратам выступала страшная перспектива аварии на АЭС, выброса в атмосферу радиоактивных отходов и неминуемых проблем с эвакуацией и расселением в других городах страны жителей близлежащих районов.

По прибытии Олега встретил встревоженный начальник смены, сообщивший, что несколько часов назад во втором энергоблоке станции внезапно отказали электронные системы службы управления контуром охлаждения реактора. Незамедлительно были введены в действие аварийные модули, дублировавшие функции основных устройств, но через некоторое время стали отказывать и они. Причиной, как удалось установить, был “ITS-II” – главный компьютер станции, обеспечивавший жизнедеятельность всего электронного комплекса АЭС, мощная, быстрая и надежная машина шестого поколения, обладавшая операционной системой, построенной по принципу искусственного интеллекта. Вот с этим самым компьютером и творилось сейчас что-то неладное. Было принято решение немедленно заглушить реактор, но в данном случае понятие “немедленно” означало промежуток времени, в течение которого могло произойти все, что угодно. Атомный реактор остывает не вдруг. И опасность аварии, несмотря на крайнюю надежность использующейся на станции аппаратуры, все еще оставалась.

В качестве помощника и советчика Ярову отрядили постоянно обслуживающего местный “ITS-II” инженера-системотехника Бориса Замельева, паренька, который был старше Олега всего лишь лет на пять, но, тем не менее, свое дело знавшего неплохо, что он и не замедлил продемонстрировать на месте. Базовых тестов на целостность программ и элементарные логические реакции хватило, чтобы понять: неисправность, постигшая компьютер, была, скорее всего, чисто технического плана. Фактически киберпсихологу делать на станции было решительно нечего: для устранения подобных сбоев вполне достаточно проверить диски специальными утилитами, устранить ошибки и восстановить целостность системы с хранящейся на внешних магнитооптических накопителях резервной копии. Замельев с этой нехитрой задачей мог великолепно справиться самостоятельно. Однако формально он, как член профсоюза специалистов по Искусственному Интеллекту, имел право производить подобный ремонт без присутствия киберпсихолога только в самых экстренных случаях, каковым нынешнее происшествие на АЭС, собственно, не являлось. Таковы правила. Именно затем сюда и был вызван первый свободный от работы специалист. Им как раз оказался Олег Яров.

Предварительное тестирование выявило ряд незначительных ошибок в операционной среде вычислительного комплекса, исправление которых, увы, не принесло желаемого результата. Олег вместе со своим помощником сразу же провел стандартную проверку на вирусы, коих на дисках обнаружено не было. Сейчас Борис завершал ликвидацию последних найденных им в системе сбоев, Олег же молча наблюдал за работой напарника и пил кофе, совершенно не вмешиваясь в происходящее.

– Готово. – Произнес, наконец, Замельев, убирая руки с клавиатуры и вытаскивая из приемника “ключ” – личную пластиковую карточку с микрочипом, позволявшую ему производить с машиной простейшие операции, требовавшие администраторского доступа. – Ну что, запустим этого мастодонта в пробном режиме?

– Валяй, – кивнул Яров, и потянулся к дипломату, в котором он всегда носил с десяток саморазогревающихся пластиковых упаковок с любимым напитком, – кофейку не желаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.